

Если вы действительно хотите услышать эту историю, то, наверняка, в первую очередь захотите узнать, где я родился и каким было мое сопливое детство, захотите знать как жили мои родители до меня и тому подобную чушь в стиле Дэвида Копперфильда. Но, если честно, мне не очень-то хочется вдаваться в такие подробности. Во-первых, такого рода вещи меня утомляют, а во-вторых, моих родителей хватит удар, если я хоть что-нибудь расскажу про их личную жизнь. Они относятся к этому очень щепетильно, особенно отец. Они милые и все такое, я ничего не говорю, но они ужасно щепетильны. К тому же я не собираюсь рассказывать вам всю мою проклятую автобиографию. Я просто расскажу вам одну сумасшедшую историю, которая приключилась со мной на прошлое Рождество. Как раз перед тем, как я серьезно заболел и вынужден был лечь в эту больницу. Я имею в виду, что расскажу вам то, что рассказал Ди Би, а он – мой брат, так что, сами понимаете. Он сейчас в Голливуде. Это не так уж далеко от этого мерзопакостного места. И он навещает меня каждые выходные. Он отвезет меня домой в следующем месяце, когда меня выпишут отсюда... надеюсь. Он только что купил Ягуар. Это одна из тех английских вещиц, которые выжимают двести миль в час. Она стоила ему примерно четыре тысячи гребаных баксов. Сейчас он зарабатывает много бабла. Раньше такого не было. Раньше он был заурядным писакой. Когда жил дома. Он написал классный сборник коротких рассказов «Загадочная Золотая Рыбка». Я говорю это на тот случай, если вы не слышали о нем. Лучшим рассказом в этом сборнике был именно рассказ «Загадочная Золотая Рыбка». Он о малыше, который никому не давал смотреть на свою золотую рыбку, потому что купил ее на свои собственные деньги. Это убило меня. А сейчас мой братишка продает себя в Голливуде. Если я что-то и ненавижу, так это голливудские фильмы. Даже не напоминайте мне о них.

Момент, с которого я хочу начать свою историю – это день, когда я покинул школу Пенси. Эта школа находится в Агерстауне, штат Пенсильвания. Вы наверняка слышали о ней. Во всяком случае, вы должны были видеть их рекламу. Они помещают ее в куче разных журналов. Там всегда печатается фотография какого-нибудь крутого парня, прыгающего на лошади через барьер. Как будто все, чем занимаются в Пенси – это играют в поло. Лично я никогда не видел лошади даже поблизости. А под фото с прыгающим на лошади парнем надпись: «С 1888 ГОДА МЫ ПРЕВРАЩАЕМ МАЛЬЧИКОВ В БЛЕСТЯЩИХ, ЯСНОМЫСЛЯЩИХ МУЖЧИН». Никуда не годиться: их чертовы «превращения» ничем не отличаются от других школ. И я не знал в этой школе никого, кто был бы блестящим и ясно мыслящим. Ну, за исключением двоих парней, может быть. Не больше. Но они, скорее всего, уже такими и пришли в Пенси.

Короче, была суббота, и шел футбольный матч с ребятами из Сексон Холла. Эта игра должна была стать настоящим событием для обитателей Пенси. Еще бы: последняя игра сезона, и предполагалось, что если Пенси проиграют, все хором спрыгнут с крыши. Помню, около трех часов дня я стоял на пригорке Томсен Хил, возле этой идиотской пушки, которой пользовались во время Гражданской Войны. С этого места было хорошо видно, как две команды мутузят друг друга. Трибуны, правда, было видно не очень, но зато было отлично слышно, как они визжат и орут. Особенно на стороне Пенси, потому что вся школа, за исключением меня, была там. На стороне Сексон Холла крику было поменьше. Гости никогда не привозят много болельщиков.

На матчи обычно приходило мало девчонок. Только старшеклассникам разрешалось приводить с собой своих девушек. Это была ужасная школа, не важно с какой стороны на нее посмотреть. Мне нравится бывать там, где хотя бы изредка можно увидеть девушек, пусть они даже чешут руки, или сморкаются, или же просто хихикают. Старушка Сельма Термер, - дочка нашего директора, - довольно часто появлялась на матчах, но она не из тех девиц, что сводят с ума. Однако, она была довольно мила. Я как-то сел рядом с ней в автобусе, когда мы возвращались из Агерстауна, ну и мы, типа, разговорились. Она мне понравилась. У нее большой нос, а поверх обгрызанных ногтей с кровоподтеками наклеены искусственные, но мне, вроде как,

стало жаль ее. Мне в ней понравилось то, что она не несла всю эту отвратительную чушь про то, каким крутым был ее папочка. Наверняка она знала, что он был большим треплом.

Причина же, по которой я стоял именно на вершине Томсен Хола, а не сидел на трибунах, заключалась в том, что я только что вернулся из Нью-Йорка с командой по фехтованию. Я был проклятым капитаном этой команды. Важная птица, блин. Тем утром мы поехали в Нью-Йорк, чтобы встретиться со школой МакБерни. Только мы не встретились. Я забыл рапиры и прочую чушь в метро. В этом была не совсем моя вина. Я должен был все время смотреть на карту, чтобы знать, где выйти. Короче, мы вернулись в Пенси примерно в 14:30, вместо того, чтобы вернуться к обеду. Вся команда, на обратном пути, объявила мне бойкот. В какой-то степени это было даже смешно.

Вторая причина, по которой меня не было на игре – это то, что как раз в это время я шел прощаться со стариком Спенсером, моим учителем истории. У него был грипп и поэтому я предположил, что уже не увижу его до начала рождественских каникул. Он прислал мне записку, в которой говорилось, что он хочет видеть меня до того, как я уеду домой. Он знал, что я больше не вернусь в Пенси.

Забыл рассказать вам об этом. Они вышвырнули меня. После рождественских каникул я не должен был возвращаться в школу потому, что я провалил экзамены по четырем предметам, не оправдал свое проживание в школе и так далее. Они предупреждали, что мне надо взяться за ум – особенно в середине семестра, когда мои родители приехали побеседовать со стариком Термером – но я не внял их советам. Поэтому меня вышвырнули. Они часто вышвыривают парней из Пенси. У этой школы очень хороший академический рейтинг. На самом деле.

Короче, был декабрь и было холодно, как у черта за пазухой. Особенно на вершине холма. На мне была только куртка и никаких перчаток. За неделю до этого кто-то украл мое пальто из верблюжьего меха прямо из моей комнаты, а в кармане пальто лежали перчатки. В Пенси было полно воров. Там учились парни в основном из обеспеченных семей, но все равно там было полно воров. Чем дороже школа, тем больше в ней воруют... Я не шучу. Короче, я стоял возле этой долбанной пушки и морозил свою задницу. Только я не наблюдал за игрой. На самом деле я старался почувствовать хоть каплю сожаления от того, что покидаю это место. Просто, когда я уезжаю откуда-то, меня это совсем не трогает. И этот факт меня раздражает. Когда я покидаю место, мне хочется это почувствовать... не важно, будет это грусть или радость, я просто хочу чувствовать хоть что-нибудь. Когда не чувствуешь ничего, получается еще хуже. Мне повезло: внезапно мне на ум пришло нечто, что помогло мне понять, что я сваливаю. Я вспомнил как однажды в октябре, я, Роберт Тичнер и Пол Кэмбпел играли в мяч возле здания академии. Они были классными ребятами. Особенно Тичнер. Это было как раз перед ужином и на улице было довольно темно, но мы все равно играли. Становилось все темнее и темнее. В конце концов мы перестали видеть мяч, но играть не бросили. Правда, потом нам пришлось сделать это: учитель биологии, мистер Замбези, высунул голову из окна и сказал, чтобы мы шли в комнату готовиться к ужину. Если мне удастся вспомнить что-нибудь в этом роде, я вполне могу почувствовать, что уезжаю... по крайней мере, так бывает довольно часто. Как только я почувствовал это, я повернулся и побежал вниз с холма к дому Спенсера. Он жил на Энтони Уэйн Авеню.

Я пробежал весь путь до главных ворот. Там я остановился, чтобы отдышаться: я очень запыхался. Это потому, что я много курю... курил. Меня заставили бросить. А еще за прошлый год я подрос на шесть с половиной дюйма. Еще и поэтому я заболел туберкулезом, попал сюда и подвергаюсь этим долбанным анализам. Но сейчас я уже здоров.

Короче, как только я отдышался, я побежал дальше по улице Рут 204. Было ужасно скользко, и

я чуть не упал. Даже не знаю, зачем я бежал... Наверное, просто хотелось. После того, как я пересек улицу, я почувствовал, что исчезаю. Вечер выдался сумасшедшим, было ужасно холодно, никакого солнца, и у меня создалось такое впечатление, что каждый раз, как только я буду переходить дорогу, я буду исчезать.

Боже, я зазвонил, как бешенный, как только добрался до двери старика Спенсера. Я ужасно замерз. У меня болели уши, и я еле шевелил пальцами. «Ну же», чуть не вырвалось у меня, «откройте кто-нибудь дверь». Наконец, старая миссис Спенсер открыла. У них не было служанки или кого-то еще, и они всегда сами открывали дверь. У них было не слишком много денег.

- Холден, - сказала миссис Спенсер, - как мило, что ты пришел! Заходи, дорогой. Ужасно замерз, да? - думаю, она была рада меня видеть. По крайней мере, мне так показалось. Боже, я просто влетел в дом.

- Как вы, миссис Спенсер? - спросил я. - Как чувствует себя мистер Спенсер?

- Давай свое пальто, дорогой, - сказала она. Она не слышала, как я спросил ее про мистера Спенсера. Она была слегка глуховата.

Она повесила мое пальто в шкаф в коридоре, а я слегка поправил рукой волосы. Я все время стригусь под «ежика» и мне не нужно их сильно расчесывать.

- Как вы, миссис Спенсер? - снова спросил я, только теперь громче, чтобы она меня услышала.

- У меня все хорошо, Холден, - она закрыла дверцу шкафа. - А как ты? - по тому, как она меня об этом спросила, я понял, что старик Спенсер рассказал ей, что меня вышвырнули.

- Нормально, - ответил я. - Как мистер Спенсер? Он уже выздоровел?

- Выздоровел? Холден, он ведет себя как... я даже не знаю, как кто... Он в своей комнате, дорогой. Иди туда.

<http://tl.rulate.ru/book/86611/2778945>